

ДУХОВНЫЕ КОРНИ
УЛЬФ ЭКМАН

ДУХОВНЫЕ КОРНИ

Ульф Экман

Золотые страницы • Москва

www.wolrus.org

Originally published in Swedish under the title
ANDLIGA RÖTTER
by Ulf Ekman

Copyright © 2009 Ulf Ekman
Utgiven av Keryx, en underavdelning till Livets Ords Förlag AB
All rights reserved.

Экман У.

Духовные корни / Пер. со швед. — М.: Золотые страницы, 2012. — 376 с.

Все библейские цитаты взяты из Синодального перевода Библии,
за исключением мест со ссылкой на другой перевод.

ISBN 978-5-91943-014-8 (рус.)
ISBN 978-91-7866-708-6 (швед.)

© Издание на русском языке. ЧУ Издательский центр «Золотые страницы», 2012 г.
Все права защищены.

Оглавление

Предисловие	7
-----------------------	---

Часть 1. Вера и жизнь

1. Укрепление внутренней жизни	13
2. Влияние секуляризации на христианское вероучение	29
3. Размышления о страдании.	47
4. Может ли существование Бога быть доказанным? . . .	69
5. Восстановление	89
6. Проповедь веры	105

Часть 2. Христианство: традиции и обновление

7. Сила живой традиции	123
8. Богословие таинств и христианство пробуждения. . .	147
9. Прославление, поклонение и литургия	163
10. Мария — ее будут ублажать все роды	185
11. Апостольское поручение	197
12. Миссионерство: насколько оно востребовано сегодня?	215
13. Восстановление Израиля	231

Часть 3. Христианское единство

14. Изменения на духовной карте	249
15. Пути к единству	267
16. Сущность Церкви и ее единство.	281
17. Единая церковь?	297
18. Харизматическое пробуждение и единство	315
19. Глубокое отличие ислама от христианства	339
20. Настало время петь	353
Используемая терминология.	369
Список использованной литературы	373

Предисловие

У всего есть начало. Каждому периоду предшествует другой период, на который мы порой не обращаем внимания, который не понимаем или забываем. Духовные явления, наблюдаемые нами сегодня, имеют невидимые духовные корни, которые мы — хотим ли мы этого или нет — должны выявить и выработать по отношению к ним правильную позицию. Время, в которое мы живем, имеет тенденцию к поверхностности. Нас поглощает настоящее, и — по разным причинам — мы с легкостью игнорируем прошлое.

От прошлого можно бежать, а можно, если проявить достаточную смелость, извлечь из него ценные уроки — уроки, которые откроют для нас «старые колодцы» и «заросшие тропы». Тропы могут вести как назад, так и вперед. Как написано в Книге пророка Исаии (58:12): *«И застроятся потомками твоими пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения»*. Здесь Исаия призывает нас думать как о будущем (строить будут потомки), так и о прошлом (развалины восстановятся). В такой стране уже можно жить!

В основе данной книги, которая несколько отличается от других моих трудов, лежит ряд статей, опубликованных в журнале «Керикс». Здесь я хотел бы поднять некоторые вопросы, которые считаю актуальными на сегодняшний день. Цель книги заключается в том, чтобы привлечь внимание к некоторым реалиям, относящимся к духовным корням и имеющим, на мой взгляд, особую важность. Книгу следует рассматривать как мои личные рассуждения и не восприни-

мать в качестве «официального» богословия «Слова жизни». Именно корни поддерживают жизнедеятельность дерева, будучи при этом скрыты от глаза. Опоры держат здание, оставаясь при этом невидимыми. Киль стабилизирует судно. Без таких основ Божья работа не будет полноценной, а станет фрагментарной и в конце концов разрушится. Сегодня же в христианстве мы наблюдаем именно такой фрагментарный, избирательный подход.

В этой книге нет ответов на все вопросы, так как их нет у меня. После прочтения данной работы у читателя наверняка возникнет еще больше вопросов, на которые я тоже не смогу ответить, но это подтолкнет нас к более глубоким поискам Господа. Среди нас нет таких людей, которые видели бы всю картину целиком и знали бы весь путь. Может быть, именно поэтому многие сегодня чувствуют водительство Святого Духа к объединению и более глубокому общению в Теле Христовом. То, что Господь сделал в нашей жизни, — это прекрасно и необходимо, но не всегда достаточно для того, что ждет нас впереди. Итак, с духовной точки зрения нам сейчас, как никогда прежде, важно постигать *«со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову»* (см. Еф. 3:18, 19).

Мы живем в такое время, когда нам необходимо укрепиться, стать более христоподобными и эффективными в проповеди евангелия. Без понимания наших духовных корней этого не произойдет. Исторические богатства, из которых следует извлечь ценные уроки, принадлежат нам во Христе.

Швеция, Уппсала, январь 2009 г.

Ульф Экман

ЧАСТЬ 1

Вера и жизнь

Глава 1

Секуляризированный Запад во главе со Скандинавией находится в глубочайшем духовном кризисе: утрачены не только корни, но и ориентация в настоящем и видение будущего. То, что происходит в этом мире, оказывает влияние и на Церковь Христову. Мы подвержены этому влиянию в гораздо большей степени, чем нам кажется. Одновременно с этим меняется и обновляется духовный ландшафт, причем порой меняется с ошеломляющей скоростью. Старых конфессиональных категорий и теологических разграничений порой уже недостаточно для описания современного духовного климата.

Соотношение между внешней и внутренней жизнью часто становилось источником противоречий, разногласий и столкновений в христианской жизни. История Церкви и история пробуждения свидетельствуют о многочисленных конфликтах, к которым приводила разница во взглядах на значимость внутренней и внешней жизни. Я не претендую на решение данного конфликта; тем не менее, хотелось бы обратить внимание на некоторые важные аспекты и кажущиеся противоречия.

Укрепление внутренней жизни

В Евангелии от Луки (17:21) Иисус говорит: «*Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть*» — и, тем самым, обращает внимание на присутствие царства Божьего в абсолютно новом качестве. Окружавшие Его люди понимали присутствие и пришествие этого царства совершенно иначе. На примере предпочтения, оказанного Марии по отношению к Марфе, внутренняя чуткость и созерцание представлены как качества более важные, нежели внешняя активная жизнь (см. Лк. 10:38-42). Не все так просто, но, тем не менее, сделан четкий акцент, что очень важно. Внешнее и внутреннее взаимосвязано, взаимозависимо, но приоритеты присутствуют, как присутствуют они и в Троичестве, где три четко разграниченные Личности находятся в постоянной зависимости друг от друга.

Иисус убеждает Никодима в необходимости родиться свыше, для того чтобы увидеть царство Божие (см. Ин. 3:3). Он говорит о фактическом созерцании царства Божьего. Физическое зрение, которое обращено наружу, к физической внешней реальности, естественно, видит только внешнее. Как Никодиму, так и ученикам Иисуса было трудно понять духовную значимость в словах и притчах Христа. Хороший тому пример — параллель, которую провел Иисус между фарисеями и заквашенным тестом (см. Мф. 16:5-12). После этих слов ученики стали обсуждать тот факт, что они забыли взять с собой хлеб. Их разум легко увлекся внешним, практическим, абсолютно банальным и земным.

ОСВЯЩЕНИЕ — ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ ПУТЬ СПАСЕНИЯ

Прозвучавшее в нагорной проповеди *«блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* (см. Мф. 5:8) доносит до нас следующие важные факты:

1. Бога можно видеть.
2. Средство для созерцания Бога — это сердце.
3. Для того чтобы сердце увидело Бога, оно должно быть чистым.

Здесь Иисус открывает нам целый мир — внутренний мир — и показывает, что желание видеть Бога, которое есть в каждом сердце, может быть удовлетворено созерцанием, обожанием Его, восхищением Им. Ведь в том и заключается конец всего, сам смысл и результат спасения, чтобы внутреннее общение с Богом восстановилось, и чтобы все творение и его венец, человек, почитали, славили, восхваляли Его во веки и веки. Мы увидим Его таким, какой Он есть!

К конечной цели назначения, к нашему спасению ведет постоянно сужающийся путь, на котором сердце верующего все больше и больше открывается для Бога. Этот путь освящения, который доступен только через Иисуса Христа (см. Ин. 14:6), является постоянным путем спасения. Как написано в Послании к Евреям (12:14): *«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа»*. Освящение, отделение для Бога на служение священника, относящееся ко всем верующим, является предпосылкой видения Бога. Освящение является постоянным трудом спасения, который совершает в нас Святой Дух. Эта работа продолжается на протяжении всей нашей жизни.

В Послании к Филиппийцам (3:12) Павел пишет: *«Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус»*. Этот

постоянный труд спасения зависит от нашего согласия, нашего ответа и содействия (синергии). Нас освящают, а мы, в свою очередь, позволяем себя освящать. Это и работа Духа Святого, и наше добровольное сотрудничество.

РАБОТА НАД СВОИМ СПАСЕНИЕМ

Поиск Бога становится внутренним поиском, который тесно связан с освящением. Он включает в себя и «совлечение» старых одежд, и «облачение» в новые — опустошение и наполнение, которые обозначаются греческими словами *кенозис* (κένωσις — опустошение, истощение) и *теозис* (θέωσις, обожение). Здесь видна взаимосвязь между отстраненностью и принятием. В истории Церкви поочередно подчеркивался то один, то другой из этих элементов, и это приводило к однобокости, которая в конечном счете сдерживала духовное развитие. Для того чтобы сбалансировать эти процессы, нужно осознать значимость освящения и внутренней жизни. Нам следует понимать, что внутренняя жизнь — это вера в наших сердцах, где и надлежит святить Господа, как написано в Первом послании Петра (3:15): «Господа Бога святите в сердцах ваших».

В соответствии с Евангелием от Иоанна, Иисус и обещанный Святой Дух живут посреди нас (см. Ин. 14:17, 21). Задача Святого Духа заключается в том, чтобы и освящать нас, и уподоблять нас Иисусу (см. Рим. 8:29), а также очищать наши сердца, чтобы мы узрели Бога. Эта огромная работа и ведет нас к уподоблению Богу (теозис), о котором говорит нам Второе послание Петра (1:4), то есть к причастию к «Божескому естеству», христоподобию. Все это проявляется в жизни человека, который уделяет должное внимание своей внутренней жизни. Таким образом, внутренний рост — это единение с Богом, общение с Духом и уподобление Хри-

сту. Это объясняет, почему развитию внутренней жизни уделялось столько внимания на протяжении истории Церкви.

Это и есть спасение, которое происходит, но еще не завершилось. Об этом спасении говорит и Павел, призывая нас совершать его *«со страхом и трепетом»* (см. Флп. 2:12). Об этом говорит и Иисус, как записано в Евангелии от Матфея (16:26): *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»*

Нет никакого сомнения в том, что душа, сердце, внутренняя жизнь человека имеют чрезвычайную важность и вечную ценность. Нанесение урона собственной душе сопоставляется с приобретением целого мира. Жажда внешнего продвижения, поверхностного успеха, престижа и статуса как цели жизни вредят душе, заглушают внутреннюю жизнь, отгораживают человека от Бога и лишают его вечной жизни.

Понимание вечной ценности души, необходимости внутренней жизни и важности освящения для того, чтобы человек стал таким, каким он был изначально задуман, прослеживаются очень четко в Новом Завете. Такое отношение к этим важным понятиям есть самое необходимое на свете. Поэтому стоит оставить все и последовать за Христом, чтобы быть готовым к Небесам, к настоящей жизни. Все, что мешает на пути, подлежит устранению и не имеет ни малейшей значимости по сравнению с вечностью. Вечность и внутренняя жизнь навеки переплелись в сердце верующего присутствием Святого Духа.

КРИТИКА ПРИЗЫВА К ОСВЯЩЕНИЮ

Проповедники внутренней жизни подвергались тяжелой критике с разных сторон. Утверждалось, что такой подход ведет только лишь к самокопанию, некой «зацикленности» на себе самом. Как следствие, утверждали критики, возникает

нездоровое избирательное «законничество» и преувеличенное самоотречение. Иные же недовольные голоса твердили, что в основании такого взгляда лежит платонический, гностический подход, который недооценивает творение, а также отрешен от реальной жизни с ее условиями и возможностями. Крайне настроенные критики считали, что акцент на освящении ведет к самоосуждению, воспринимали это как заблуждение или даже признак психического расстройства.

Со стороны евангельских христиан стали раздаваться голоса, предупреждающие об опасности «спасения через дела» в учении об освящении. Вместе с тем звучали призывы к более энергичной проповеди евангелия; критике подвергалось и отсутствие миссионерской работы. Харизматы дивились отсутствию интереса к чудесам, знамениям и другим внешним действиям Святого Духа, недостатка которым, однако, не наблюдалось в жизни благочестивых католиков и православных. Приверженцы либеральных течений и теологии освобождения пренебрежительно фыркали, критикуя отсутствие дискуссии об изменении мировой структуры и солидарности с угнетенными мира сего.

Иные же просто считали занятия внутренней жизнью пустой тратой времени. Заняв рационалистическую теологическую позицию, они утверждали, что, имея праведность и наше положение во Христе, человеку больше ничего не нужно. Прочие же возражали, что повышенное внимание к внутреннему миру человека приводит в запустение его существование в коллективе и социальную жизнь.

Мнения разошлись, но в результате проповедников внутренней жизни исключили из христианского сообщества, поставив на них печать мистиков, самокопателей, отрешенных, религиозных (в самом осуждающем смысле этого слова) и даже связанных с оккультизмом людей. Это нанесло огромный урон

протестантским движениям, которые при этом претендовали на истину в ее самой последней, высшей и радикальной форме. Интересно, что, быть может, именно рационалистическая форма библейского вероучения (противоречивое понятие и, тем не менее, часто повторяющийся феномен) причинила больше вреда внутренней жизни, чем мы осознаем. В пылу желаний отстаивать Библию умалилась значимость той работы, которую Слово Божье производит во внутренней жизни.

Цель этой главы заключается не в том, чтобы дать отпор критике, а всего лишь пролить свет на некоторые важные пункты. Мы уже прояснили, что Новый Завет ясно говорит о существовании и важности сильной внутренней жизни. От нас же требуется стремиться к ней и развивать ее. Как пишет Павел в Послании к Ефесянам (3:16): *«Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке»*.

Критика важности внутренней жизни часто связана с определенной философией. Староцерковный, средневековый аскетический идеал кажется чрезвычайно странным для современного западного секуляризированного человека. Он часто пародируется и используется в качестве негативного примера, особенно теми, кто имеет мало знания об объекте критики. О христианском учении до Реформации существует множество стереотипов.

РОЛЬ ОБЛИЧЕНИЯ

Освобождение общества от религии оказало огромное, гораздо большее влияние на различные христианские движения, чем мы готовы признать. Это привело к тому, что «паренесису», обличению, уделялось меньше внимания, как, впрочем, и всему учению в целом. Учение по-прежнему занимает в некотором

смысле особое положение, но только если оно связано с практическим применением; при этом оно постоянно рискует утонуть в этических назиданиях, яростных призывах к силе воли или же в чувственных переживаниях. Время, в которое мы живем, в принципе больше сосредоточено на переживаниях и удовольствиях, нежели на учении. И во всем этом библейскому обличению отводится одна из самых последних ролей.

Швед приходит в церковь чаще всего не за духовным обличением, которое ведет к более глубокой внутренней жизни, но для того, чтобы ощутить поощрение, а иногда просто развлечься. Затуманенный светским налетом взор человека не желает признавать потребность как в изначальном, так и в последующем покаянии. Борьба с грехом также не озвучивается, как, впрочем, и работа над собой, хождение узким путем и ежедневное ношение своего креста. Обычный взгляд на христианскую жизнь заключается в том, что на переживании «спасения» для человека все заканчивается (весьма поверхностный взгляд на праведность), и поэтому он должен безотлагательно посвятить себя различным мероприятиям, на которых, так или иначе, проповедуется евангелие.

Я все больше и больше замечаю, что такое понимание, даже если оно сопровождается добрыми намерениями, вместо реализации целей евангельской вести лишь размывает их. Идеология, которая несерьезно относится к грешной природе человека, также не воспринимает всерьез и темные стороны христианина — его плоть. Такой человек будет искать для самоутверждения чего-то более веселого, поверхностного.

Другое заблуждение заключается во мнении, что если серьезно подойти к вопросу борьбы с плотью, то мы «теряем победу» в нашей христианской жизни. Это в корне неверно! Безусловно, есть и такое христианство, которое полностью заиклено на поражении и, кажется, даже не хочет

соотносить себя с воскресением Христа и Его присутствием в жизни христианина. Такое христианство будто нарочно отстраняется от радости и полностью забывает увещания, которые упоминаются и в Послании к Филиппийцам (15 раз!), и в Первом послании Петра (1:8): *«Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною...»* Такая неподдельная, настоящая радость рождается от общения с Воскресшим и растет соразмерно приросту внутренней жизни.

В то же время существует некая поверхностность среди «провозглашающих ежедневную победу в жизни», которая отстраняет их от проблем, трудностей и страданий, связанных с освящением. Главная проблема сегодня заключается не в том, что христианство чересчур усердствует в раскаянии в грехах, а как раз в недостатке подлинного покаяния. С другой стороны, освящение, к которому идут только лишь через отождествление себя с грехом, будет односторонним, неполноценным. В этом случае чудесная реальность прощения грехов и радость усыновления затемняются безутешными отчаянными поисками своего собственного эго и попытками сбалансировать его. Кажется, люди думают, что только когда «мне хорошо», тогда все в порядке. Но точка опоры находится и всегда будет находиться вне нас, а именно — в праведности во Христе Иисусе!

Цель обличения

Все это не означает, что мы можем избежать всех обличений (а Новый Завет полон ими!), которые подталкивают к более освященной, христоподобной жизни. Некоторые критики считают, что этот факт ведет только к законничеству. Противоположностью законничества в Новом Завете является беззаконие (см. Тит. 2:11-14), и беззаконие сегодня является гораздо большей проблемой, чем законничество. Беззаконие яв-

ляется также особым признаком последних времен (см. Мф. 24:12). Конечно же, и законничество может стать проблемой, причем отнюдь не маленькой. Но эта проблема не решается через равнодушие к обличениям Писания.

У нас есть еще одна проблема. Наша проповедь порой настолько сильно акцентирует наше положение во Христе, что полностью игнорирует путь освящения. Непонимание обоих аспектов равносильно непониманию нашей позиции во Христе, а именно того, кем мы становимся во Христе, но еще не стали. Это несколько запутанная, но, тем не менее, очень важная истина! В этом и заключается суть нашей духовной жизни: мы становимся теми, кем должны быть. Для этого нам нужно относиться к себе как к уже достигшим совершенства, с верой и упованием придерживаясь этой позиции, даже когда она на вид вовсе не соответствует действительности, — и одновременно принимать тот факт, что мы еще не вполне достигли своей цели. Необходимо осознавать нашу зависимость от Святого Духа для того, чтобы стать больше похожими на Иисуса, с которым мы уже соединены.

Обличение всегда было и будет необходимым компонентом, неизбежным и деликатным средством для формирования внутреннего человека и уподобления Христу. Важно то, что обличение является инструментом, который использует Святой Дух для работы с внутренним человеком. Это значит, что обличение производит внутреннюю убежденность, но при этом зависит от нашего отклика на каждый стежок его острого инструмента в душе.

БЕЗЗАКОНИЕ И ЗАКОННИЧЕСТВО

Рассуждая на эту тему, многие с легкостью злоупотребляют цитатой из Второго послания Коринфянам (3:6): *«Потому что буква убивает, а дух животворит»*. Субъективная оцен-

ка этого стиха приводит к тому, что человек отвергает все, что на данный момент неудобно слышать. В результате наша ветхая природа привыкает к тому, что не надо умирать, отвергать, ежедневно быть «сораспятым Христу». Как много работы Святого Духа в жизни верующих было заглушено подобными обвинениями в законничестве!

Мы определенно живем в такое время, когда люди не хотят слышать обличение. Вся структура общества, современные идеологические течения и социальный уклад отвергли необходимость коррекции, воспитания извне, подражания образу — всех истинных составляющих новозаветной жизни. А такая жизнь основана на понимании человека как особо нуждающегося в совете, помощи, руководстве, поправке, для того чтобы стать настоящим человеком и достигнуть своей цели, а именно освящения.

Попытка развивать внутреннюю жизнь без таких инструментов — это поиск наиболее легкого пути, а не хождение путями, по которым ходили поколения верующих до нас. Они достигали удивительных результатов, и мы восхищаемся такими героями веры — святыми, — но сами ни в коем случае не хотим признавать потребность в том, что и нам нужно идти по их пути. В этом заключается трагедия современного поколения проповедников, которые поставлены для того, чтобы вести народ Божий к конечной цели — Небесам. Мы должны читать Слово Божье не субъективно и выборочно, а применять его даже к тем сферам жизни, где нам меньше всего этого хочется.

Противоположность законничеству — беззаконие. Это плотская, бунтарская реакция плоти на настоящее или кажущееся законничество. Это раздражение, вызванное тем, что кто-то вышестоящий диктует мне правила поведения. Это один из наиболее устойчивых идеологических принципов,

сформировавших светский (секулярный) либерализм и индивидуализм. В его основе лежит идея, что объективная истина не так уж важна, но важно то, что сейчас истинно для меня или же во что мне удобно верить сейчас и что соответствует моей цели. Естественно, важным становится принять и защищать свою собственную свободу, свою личностную неповторимость, свои цели и интересы, сопротивляясь всему, что может каким-либо образом ущемить оные.

Данный тип незаконного эгоизма не ищет Церкви, к которой надо приспособливаться, руководства, которому надо подчиняться, принципов, указаний или заповедей, которым надо следовать. Существует только смутное представление, что Иисус как-то отличается от Церкви. Вновь всплывают прежние идеи либерального богословия о простом Христе, представляющем полную противоположность усложненного до предела христианства, — только теперь эти идеи приобретают харизматическую форму. Таким образом, люди стремятся получить возможность выработать исключительную, индивидуализированную веру, которая больше приспособлена к их собственному эго, чем к Богу. Проповедь и участие в жизни церкви становятся не обязательными, как, впрочем, и приспособление к определенной группе людей. Вместо этого все делается по собственному хотению. Человек следует мимолетному «духовному» порыву и приспособливает библейские слова так, как ему подходит это на данный момент. И при этом человек умудряется называть себя верующим, последователем Слова Божьего и исполненным Духом.

Такой настрой встречается в разных евангельских церквях, включая и пятидесятническо-харизматические. Он ставит серьезное препятствие на пути истинного достижения духовной зрелости, внутреннего роста и хриstopодобия. Такие идеи идут вразрез с Новым Заветом и в корне ошибочны.

Истоки этих мыслей находятся не в Слове Божьем, а в современном светском мышлении.

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВЕЧНОСТЬ

Развитие внутренней жизни, формирование в нас Христа, очищение наших сердец Святым Духом — это гораздо более серьезный, трудный и затратный процесс, чем это кажется поначалу. Проблемы отступничества, которые прослеживаются в истории пробуждения, заключаются именно в этом. Цена становится слишком высокой, требования повышаются, изначальный энтузиазм быстро иссякает. Зачастую находится немало других христианских вариантов устройства религиозной жизни. На свете много духовных лидеров, готовых ради самоутверждения принимать таких людей, которые не столько заинтересованы в хождении с Христом или в Его условиях для этого хождения, сколько в том, что Он может сделать для них прямо сейчас.

Конечно же, необходимо остерегаться духовной исключительности и быть открытым для всех. Ученики были абсолютно несовершенными людьми. Принимающий же обличения Нового Завета всерьез должен быть глубоко укоренен в Божьей милости, хорошо понимая ее суть, наполняя это порой нелегкое хождение Божьей любовью. Но это не означает, что надо опускать планку ради того, чтобы все победили. Стандарт, цель, средства ее достижения, задачи в жизни верующего установлены Христом, а не самим верующим. Только настоящее осознание масштабов искупления и соблазнительной, деструктивной силы греха во мне, осознание потребности в работе Святого Духа в моей душе приведет меня к тому, что я охотно подчинюсь Ему. Только тогда я смогу принимать любое «лекарство», предлагаемое Духом для моего духовного здоровья и подготовки к вечности.

Необходимую перспективу на внутренний духовный рост дает нам именно вечность. Узкому взгляду секуляризированного человека не свойственно обращать внимание ни на рай, ни на ад. Как бессмысленные животные, только немного более развитые биологически, мы проводим наши дни, пытаясь наполнить их хоть каким-нибудь содержанием. Мы позволяем страстям вести нас и непрестанно ищем самоутверждения и сиюминутного удовлетворения. По мнению многих, больше ничего и нет.

Противостоит же этому мнению классическая христианская вера, которая говорит о вечности, самоотвержении, дисциплине, чистоте сердца, любви, желании быть с Богом и угождать Ему. Мир понимает и сам хочет иметь любовь к ближнему, но только если эта любовь целиком вписывается в мир и не простирается за пределы обозримого времени. Битва же за душу и за внутреннюю жизнь ведется только ради одного — вечности.

Если внутренняя жизнь недооценивается и ею пренебрегают, то человеку это будет стоить больше, чем он представляет. Только здесь, на земле, мы можем приготовиться к вечности. Преломлять евангелие всего лишь в свете настоящего времени — это сокращать и, в конце концов, извращать его значение. Оно же в первую очередь относится не к солидарности с угнетенными массами или к реальности исцеления, а к подготовке человека к вечности. Все остальное находится на втором месте, не замещая главного, а дополняя его.

ВНУТРЕННЕЕ ВОЗРАСТАНИЕ ВЫРАЖАЕТСЯ ВО ВНЕШНЕЙ ЖИЗНИ СЛУЖЕНИЕМ БОГУ

Утвердив это, важно констатировать, что внутренняя жизнь с Богом и интимное общение с Иисусом должны выражаться во внешней жизни служением Ему, активным следованием

за Христом. Такая внешняя жизнь подражает примеру Иисуса и выражается в отношениях и делах. С одной стороны, существует самоотречение любви, с другой — помазание Святого Духа и проявление Его даров. С одной стороны, существует практическое служение ближнему, с другой — чудеса и знамения по образцу Нового Завета. Христианская жизнь далеко не однобока. Возможно, что-то одно может быть более выражено на определенном отрезке времени. Христианская жизнь заключена в Иисусе Христе, во всем том, что Он сказал и сделал. Она охватывает как внешнее, так и внутреннее. Она хранит традиции и в то же время стремится к новым путям. Все это есть во Христе, но чтобы стать реальностью в нашей жизни, оно должно быть оплодотворено жизнью Духа в нас самих.

Другими словами, внутреннее должно выйти наружу. Это — сердцевина христианской веры. Только наш Бог воплотился и жил среди нас. Бог стал видим во Христе Иисусе, и ученики могли соприкоснуться с Ним. Как жизнь Отца стала видима в Иисусе, так и жизнь Духа должна стать видимой в Теле Христовом, Церкви. Это никогда не произойдет без повышенного внимания к росту внутреннего человека. Мы никогда не сможем добиться этого ни провозглашениями, ни организациями, но только зависимостью от жизни Иисуса Христа, как ветви на лозе. В ближайшем будущем духовная жажда среди Его учеников радикально усилится, а потребность в более полном христоподобию, освящении и глубоких отношениях с Господом будет восприниматься как жизненная необходимость. Лишь живя так, мы, по благодати Божьей, справимся с растущим давлением, которому будут в дальнейшем подвержены верующие.

Глава 2

Каждое поколение, которое знакомо с благословениями обновления, знакомо также и с его недостатками, что, в принципе, неизбежно. Это порождает пессимистичные и порой даже циничные комментарии. Джон Уэсли отвечал на подобные комментарии следующим: «Я желаю видеть пробуждение, и если пробуждение полно проблем и недостатков, я все равно желаю его видеть, потому что пробуждение нам необходимо». Другими словами, любое обновление несет с собой несовершенства и негативные последствия, но не умаляет того хорошего, что происходит, если к этому относиться со смирением.

Всегда находились те, кто, глядя на наши явные недостатки, компромиссы, измену, любовь к миру и к самим себе, возвышали голос и указывали на эти недостатки. В церкви всегда были проповедники и реформаторы. В самой сущности христианства заложен тот факт, что такие люди будут появляться, чтобы бросать вызов неверию и корректировать неправильное развитие. Но мы не задумываемся, что даже пробуждение и реформация сами нуждаются в поправке. Любому духовно интенсивному периоду свойственна односторонность. Быть может, порой нам и требуется некая святая односторонность, чтобы поправить тот или иной недостаток в Теле Христа. Однако существует риск того, что такая односторонность станет постоянной, что приведет к новым проблемам. Так возникают перегибы и нездоровые моменты, которые ограничивают верующих, вместо того чтобы освободить их.

Влияние секуляризации на христианское вероучение

Факт глубокого и длительного воздействия секуляризации на христианство уже давно муссируется во многих кругах; похоже, он уже как следует задокументирован и признан. С эпохи Просвещения ведется битва за толкование христианского вероучения и его воплощение в жизни. Возможно, эта битва всегда велась, во всяком случае, если верить авторам Нового Завета. В разные времена маятник переходил от потребности обновления христианской жизни к необходимости защиты веры, от радикально новых мыслей к крайнему традиционализму. Нет сомнений в том, что и та, и другая сторона находит подтверждение в Писании и в самом Иисусе Христе. Обе они необходимы, и при нехватке одной на первый план выходит другая — такие коррективы вносит Дух. И обновление, и сохранение традиций являются важной частью христианского вероучения, но и то, и другое может стать поводом для атак на веру.

Обновление без верности Писанию становится в конце концов расплывчатой тенденцией, которая со временем размывает суть веры. Традиционализм, не учитывающий человека и проблематики современности, в конце концов превращается в бесплодную ортодоксию, лишенную эмпатии. Кроме того, в таких кругах периферийное зачастую становится центральным, и различные духовные культуры переходят в «замороженные» формы. К этому еще следует добавить духовно-психологические нагрузки, которые люди переживают в таком окружении. Выросший в консервативном рели-

гиозном окружении человек, повзрослев, может устремить все свои силы против таких взглядов и сообществ. Другие же, пережившие радикальное обращение от мира, раздражаются от тенденций этого мира, которые легко проникают в христианство под названием «обновление». Конечно же, невозможно всему дать объективную оценку. С одной стороны, мы дети времени сего, с другой — мы фильтруем взгляды через индивидуальный жизненный опыт, и, таким образом, вырабатываются модели нашего восприятия и подбора решений.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К МИРУ КАК СЛЕДСТВИЕ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Влияние секуляризации на веру можно описать по-разному, смотря с какой стороны зайти. Можно описать это теологически, то есть определить изменение понимания догм и концептуальных терминов; можно психологически, то есть определить изменение понимания человеческой природы, отношений и поведения. Можно описать это и при помощи статистики: убывающее количество членов церкви и неважное финансовое состояние многих церквей и христианских организаций. Секуляризацию можно также описать как потерю влияния в публичном пространстве, в процессах преобразования общества. Развитие общества управляется другими группами и идеологиями, а христианская вера неотступно отталкивается прочь и, кажется, утрачивает свое влияние и голос. Те христианские группы, которые сохранили хоть какое-то общественное влияние, похоже, вследствие внутренней секуляризации потеряли столь значительную долю своей первоначальной вести, что никто уже не желает их слушать.

В таких тенденциях нет ничего нового, и, конечно же, они могут быть истолкованы по-разному. В новом времени церк-

ви нужно найти новые пути донесения евангелия людям. Необходимо приспособиться и «зарядить батареи». Проблема заключается в том, что это приспособление заходит слишком далеко или имеет неправильные мотивы. Имея огромное желание проповедовать благую весть, не разрывая при этом связь с действительностью, верующий легко соскальзывает в суету и заискивание, стремясь ставить «нужные» вопросы, чтобы казаться актуальным. Такие люди заимствуют мирские перья для того, чтобы создать себе внушительный вид. К сожалению, реакцией на подобное поведение в иных христианских кругах зачастую становится хмурое пессимистичное настроение или же полное отвержение всего современного как «мирского».

Возможно, главной ошибкой во всем этом является именно это самое рвение приводить в церковь новых людей. В желании увеличить количество членов церкви есть и неправильный мотив, а именно: вместо «научения всех народов» на первый план выходит улучшение статистики. Увеличение количества членов церкви повышает нашу самооценку и скорее служит подтверждением, что «наша организация хороша и правильна», чем выражает благодарность Богу за Его работу. Таким образом, само намерение становится сосредоточенным на человеке и возвышающим его же, а не прославляющим Бога.

В порыве желания благовествовать можно забыть о том, что наша первая обязанность — это любить Бога и жить в тесном общении с Ним. Общение с Богом, внутренняя жизнь и необходимость освящения оттесняются на задний план, так как порой рассматриваются как препятствие внешнему успеху. Разные группы прибегают к разным аргументам, но настрой, в принципе, одинаков. Люди стремятся к успеху, реализации своих идей и готовы на перемены, которые счита-

ют необходимыми для достижения цели, но в процессе этого утрачивают как свою индивидуальность, так и свою весть.

Считать, что «успех» может быть приписан только какому-то особому богословскому направлению процветания, — это поверхностный взгляд. Все церкви, деноминации и христианские организации, несмотря на разницу в подходах, разрабатывают свой «план успеха», так как вряд ли существует объединение, которое не желает расти или нести свою весть в мир. Опасность заключается в том, насколько быстро некоторые готовы отступить от основных библейских принципов для того, чтобы быть релевантными, полагая, что это даст им точки соприкосновения со слушателями. В этой связи важно отметить, что такие группы чаще всего ссылаются на прошлые периоды успеха своего движения. Идиомы, понятия и термины тех времен подбираются и наполняются другим значением, и при этом люди считают, что они являются здоровыми толкователями подлинной сути этих понятий. Таким образом, осуществляется попытка эмоциональной и экзистенциальной привязки к тем группам людей, которые действительно жаждут настоящего обновления. Слова типа «обновление», «пробуждение», «реформация», «свобода», «прорыв», «справедливость», «солидарность», «смирение» становятся важными ключевыми словами, но они не всегда продумываются с богословской стороны и не всегда используются в правильном контексте, а скорее делаются лозунгами в религиозно-политической программе. Целью же такой программы будет достижение кратковременного успеха, например прекращение убывания количества членов организации, ибо их сокращение влечет за собой неблагоприятную экономическую обстановку. Не говорю, что это всегда является основным мотивом, но, тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что он играет свою роль.

**РАДИКАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ «ВСЕ ПО БЛАГОДАТИ»
И РАДИКАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ**

Хотелось бы коснуться двух явлений, которые на первый взгляд далеко отстоят друг от друга. Первое явление — это радикальная проповедь «все по благодати», которая на сегодняшний день существует во многих церквях по всему миру в харизматической форме христианства. Я не имею в виду библейскую проповедь благодати, которая является ключевой истиной в Библии, но некоторые крайне радикальные выводы, которые были сделаны рядом проповедников. Другое же явление — это радикальный релятивизм, который, среди всего прочего, сильно повлиял на проповедь бывшего Архиепископа К. Г. Хаммара*. Эти два типа христианства, с первого взгляда кажущиеся разными, на самом деле имеют много общего. Кажется, что в корне обоих лежит своего рода диспут с более консервативной формой христианства, которая воспринимается как узко мыслящая и отсталая. Диспут этот может лежать в плоскости библейской веры, которую отвергают как упрощенную и устарелую, или в плоскости христианского образа жизни, который воспринимается законническим и загнанным в рамки. Конечно же, для любой критики есть повод, но вопрос в том, является ли базовая идеология критиков по-настоящему христианской?

Опровергнуть путанные рассуждения, в которых Архиепископ Хаммар не принимает символ веры как основанный на объективной истине, вовсе не так просто, как кажется. Он не высказывается ни за, ни против символа веры, а обращается к определению объективности в общем. В его рассуждениях есть протест против устоявшихся формулировок, где,

* Карл Густав Хаммар (Karl Gustav Hammar), род. в 1943 г., шведский евангельско-лютеранский Архиепископ с 1997 по 2006 гг. — *Прим. перев.*

по его мнению, нет места дальнейшему развитию. Ему не нужна вера, которую можно осматривать и испытывать на прочность, подобно тому, как машина проходит техосмотр. Согласно Хаммару, это было бы слишком поверхностно. Вместо этого он говорит об образах, о символах и о пространствах, личное восприятие и переживание которых индивидуумом становится ведущим критерием его веры. В своей последней книге под названием «Я не обрел истину, я ищу ее» он выглядит человеком, потерявшимся в словах и утратившим как самого себя, так и свой жизненный контекст.

Многие верующие, возможно, пожмут плечами и скажут: «Подумаешь, это лишь один среди многих отступников, забравшихся на высокие посты». Так тому и быть, но К. Г. Хаммар на протяжении многих лет имел такой доступ к публичному пространству, какого не было у других шведских проповедников. У него множество почитателей, если не сказать последователей, особенно среди интеллектуалов, имеющих большое влияние в современном обществе. Его голос не стал тише, несмотря на то что он оставил пост Архиепископа, что демонстрирует его последняя книга.

На противоположной стороне этого спектра находятся некоторые примеры современной харизматической проповеди о благодати. Я не стремлюсь сейчас дать детальный анализ этой проповеди, а всего лишь заостряю внимание на некоторых аспектах. Многим кругам такая проповедь совершенно неизвестна, но она оказывает невероятное влияние далеко за пределами своей ближайшей аудитории. Она происходит из ряда элементов американской проповеди веры, которой она обязана некоторыми принципами. В основе своей — это популяризированная проповедь, которая с виду развивает библейские принципы, а на деле насквозь пропитана западным светским образом мысли.

Западная секуляризация активно выступала против Церкви и классического христианства, которое воспринималось как авторитарное, репрессивное, ограничивающее свободу, фальшивое и полное предрассудков. Со времен эпохи Просвещения не прекращаются дебаты о классических христианских догмах, этике, библейском мировосприятии и христианском взгляде на человека. Сформировался радикальный протест, заклеймивший христианство как нечто лживое, ограничивающее свободу, вредное. Для секуляризированного человека Бог исчез за горизонтом, и на смену Ему пришел сам человек. Независимость рассудка, право выбора индивидуума, светская демократия — это некоторые компоненты, которые вместо Бога должны были обеспечить земной рай для всех. Почетные слова — «релятивизм», «индивидуализм» и «приватизация» идеологии и нравственности. Объективных истин практически не существует, зато существует то, что правильно и неправильно для меня, то, что подходит мне и приносит мне удовлетворение. Вместо христианской веры процветают светский релятивизм, материализм и гедонизм. Внешнее и форма становятся более важными, чем глубина и содержание. Чувство и удовольствие — главнее обязанности и самоотверженности. Установка «жизнь коротка, а после нее ничего нет» ставит на первое место извлечение максимального блага из жизни, даже если это делается за счет других. Человек живет сейчас и для себя, так как потом ничего не будет. Цель поездки — сама поездка, а не пункт назначения.

ПЕРСПЕКТИВА ВЕЧНОСТИ

Перспектива вечности заставляет нас думать и жить по-другому. Если существуют Небеса и вечность, если человек может быть спасен или потерян навеки, если Сотворивший

и Любящий меня имеет предназначение для моей жизни, тогда я совсем иначе буду относиться к ее проведению на земле. Если же вечной жизни нет, то горизонт сужается и все мышление, естественно, ограничивается рамками этого мира. Нравственным моделям, которые мы при этом создаем и которым пытаемся следовать, недостает той глубокой внутренней мотивации и той сверхъестественной силы, которая приходит от жертвенной жизни в самодисциплине и вере перед лицом Божиим. Лишь небесная, вечная перспектива дает основание для христианской этики и стиля жизни. Это не означает, что своими добрыми делами в этом мире я стараюсь заработать себе зарплату на Небесах, но что Вечный, с Которым я встретился, изменил меня вечной любовью, и эта любовь, пусть в ограниченном виде, исходит от меня в окружающий мир.

На этом фоне становится ясно, что и в проповеди Хаммара, и в радикальной проповеди благодати произошло смещение перспективы. Каким образом? Обе ориентированы на мирское восприятие за счет вечного, и обе хотят казаться экзистенциальным вероучением, применимым в разных сферах жизни. Обе отталкиваются от того, что Бог абсолютно благой и что понятия строгости или требовательности к Нему неприменимы.

Радикальная проповедь благодати возникла из необходимости помочь людям выбраться из принуждения, предрассудков и чрезмерного следования букве закона. Проповедниками таких идей часто являются люди либо сами пережившие подобную несвободу, либо никогда не ощущавшие себя как дома в традиционном контексте. Цель их проповеди: атаковать законничество. Таким понятиям, как «свобода», отводится центральное положение. Главный смысл евангелия на их взгляд — освобождение человека.

Проповедники таких идей ссылаются на многочисленные цитаты Писания, например на слова Евангелия от Луки (4:18): «... послал Меня... проповедовать пленным освобождение... отпустить измученных на свободу...». Против этого нет возражений. Проблема не в этом, а скорее в определении «свободы» и ее конкретной привязке к жизни. Ведь понятие «свобода» никогда не употребляется в Библии автономно; оно всегда связано с понятиями «свобода от чего-то» и «свобода для чего-то». Библейское понятие свободы всегда включает в себя посвящение Господу и объединение с Ним и Его волей для нас. Риск заключается в том, что под влиянием либерализма и релятивизма это понятие эластично растягивается, чтобы удовлетворить любой идее. Интересны слова апостола Павла в Послании Галатам (5:1): «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства». В той же главе он пишет: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5:13). Нет сомнений в том, что христианская свобода помещена в более широкий контекст и не связана с произволом релятивизма и необузданностью, которая ставит это на первое место.

Растягивание понятия «свобода» в отрыве от контекста порождает безрассудство и может перерасти в беззаконие. Беззаконие — это не просто моральный релятивизм и произвол, но сознательное, целенаправленное изменение Божьих законов и предписаний, часто под предлогом того, что они изжили себя и больше не нужны. Антиномизм, который возникает в каждом поколении, кажется, появляется опять. Из-за страха впасть в кабалу закона человек ни под каким видом не позволяет закону играть даже малейшую роль. Человек при этом переходит в противоположную канаву, где процветают релятивистская вседозволенность и мирское влияние. Разным типам

мирского поведения дается «оправдание», называя любые ограничения свободы индивида «религиозностью». Такой подбор слов запутывает, упрощает смысл Писания и создает почву для неверных толкований, которые искажают восприятие. Тем самым проводится резкая черта, разграничивающая учение и жизнь. При этом каким-то образом подразумевается, что учение остается ортодоксальным, вплоть до того, что люди считают себя обладателями последнего и вернейшего откровения, которое Дух желает сообщить церкви. Одновременно дается свобода самостоятельно выбирать способ претворения в жизнь христианского вероучения — посредством отторжения последнего от библейского обличения, предлагать которое слушателям считается неуместным. Влияние постмодернизма очевидно. Каждый лично выбирает, в какое пространство он попадает, и совершенно не остается места коррективе извне, со стороны церкви. Раньше такие взгляды называли «лжесвободой» или «украденной благодатью».

Если бы проповедь благодати ограничивалась только этим, то можно было бы надеяться, что в будущем это учение выровняется. В разные времена и в различных обстоятельствах нам всем нужно понимать, на чем в точности следует делать упор, порой даже избыточный, — будь то оправдание, вера, Писания, молитва, дары Духа, исцеление или что-либо иное, что забылось или переросло в злоупотребления, — для восстановления духовного баланса. Однако здесь мы имеем дело с чем-то другим.

Отличительная черта такой проповеди заключается не только в том, что ее содержание выдает влияние либерального богословия. Уникальность радикальной проповеди благодати в том, что его приверженцы фактически стремятся представить себя библейскими верующими в классическом смысле, в то же время порой предлагая радикальную перео-

ценку некоторых мест Писания, которым они якобы соответствуют. Это граничит с абсурдом. В рвении провести определенную линию очевиден редукционизм и избирательность в подборе выдержек из Писаний. Если взять за отправную точку радикальный тезис о том, что Бог благ — а таков Он и есть, — но при этом придерживаться более мирского и рационалистского взгляда на эту благодать, то Писание будет трактоваться через призму, не присущую самому Писанию и исключающую возможность принятия, к примеру, Ветхого Завета. Обычно у таких проповедников существуют явные трудности с Ветхим Заветом, и они осознанно избегают проповедей, основанных на нем. Некоторые зашли так далеко, что стали утверждать ненужность Ветхого Завета вообще. Конечно, это весьма крайние случаи, но они проливают свет на тенденцию, которая проявляется сразу же, как только человек подвергается влиянию антиномии.

МАРКИОН — ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Важно заметить, что часто такие проповедники весьма хорошо знают Писание. Дело не в том, что они не читают Писание — оно течет из них рекой, — а в том, как они это делают. Цитирование многочисленных отрывков Писания не делает человека автоматически здравым толкователем Библии. Тем более, если эти отрывки помещают в систему интерпретации, имеющую небиблейское происхождение и представляющую собой рационалистский подход. Маркион и Арий — это исторические примеры заблуждающихся любителей цитирования Писаний. Здесь зачастую сходятся либералы и проповедники радикальной благодати — сами порой того не осознавая. Можно обоснованно заявить, что либеральное богословие маскируется под харизматическое течение.

Первый, кого можно по-настоящему назвать церковным еретиком, — Маркион — представляет для нас интерес тем, что он пытался отказаться от Ветхого Завета, убрать три из четырех Евангелий и придерживаться только Посланий Павла. Получился некий «павлизм». Маркион также был не согласен с иудейским компонентом в Библии. Ему не нравился Бог-Творец Ветхого Завета, Который казался злопамятным и сердитым, он придерживался Бога Нового Завета, полного милости. Такого рода анти-иудейская и не приемлющая Ветхий Завет позиция усиливается и сегодня в вышеописанных кругах. Некоторые на деле не признают решения Церкви придерживаться Ветхого Завета как канона. Порой такое отношение распространяется и на Новый Завет, где пренебрегаются Евангелия, послания Петра и Иакова, которые считают иудейскими и поэтому ненадобными в новозаветных церквях. Нагорная проповедь тоже, якобы, не подходит, а с ней отпадает и молитва «Отче наш» — ведь это уже не «новозаветная» молитва. Опорная точка таких суждений в том, что Евангелия описывают время до смерти Христа, а мы живем после. Поэтому мы должны придерживаться писем Павла, так как именно в них заключена весть Духа церквям — а в Евангелиях, соответственно, такой вести нет. Таким образом, проводятся искусственные разделительные линии, повода для которых в самом Новом Завете нет.

Часто используется и Второе послание Тимофею (2:15): *«Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины»*. Слова «верно преподающим» (по-английски «верно разделяющим» — *rightly dividing*) были перенесены в американское богословие диспенсационализма, на основании чего и были сделаны выводы, что этот отдельно взятый отрывок Писания доказывает существование отдельных, четко разграничен-

ных периодов, которые нельзя смешивать. На самом деле это не что иное, как попытка «притянуть за уши» отрывок Писания, в котором вообще не идет речь о временах. Игнорируется также тот факт, что Евангелия в целом были написаны позже посланий Павла, и инициаторами их составления, а также их целевой аудиторией были новозаветные церкви. Вместо того чтобы позволить Писанию говорить именно то, что оно говорит, люди рьяно пускаются все перетасовывать и исправлять, лишь бы найти подтверждение своим собственным идеям. Налицо близкое сходство такого подхода с канавой либерального богословия.

Другой пример явных перекосов — это когда доходят до утверждения, что нам уже не нужно исповедовать грехи. Согласно этому одностороннему взгляду, прощение грехов уже состоялось на кресте, и, следовательно, нет никаких причин исповедовать какие-либо грехи сегодня. Можно просто благодарить за прощение, но исповедоваться уже не следует. Такие теории происходят из трагического непонимания и недостаточного осознания серьезности присутствия греха и плоти в жизни верующего. Люди забывают, что совершенное раз и навсегда на кресте следует принять и каждодневно претворять в жизнь силами каждого отдельного верующего. Также забывается и то, что позиция верующего и путь освящения — это два важных аспекта. Ревностное желание избавить людей от «осуждения» затмевает то, что на самом деле может освободить, а именно — постоянно продолжающееся прощение. Возможно, эти односторонние утверждения сформулированы такими проповедниками, которые сами ранее ходили под гнетом религиозного осуждения — таким неверно рассчитанным способом они теперь хотят выволить из-под этого гнета других. Результат получается прямо противоположный. От законничества быстро совершается переход к мирскому образу

жизни, к беззаконию, поскольку такое рвение уводит человека от здравости, которую несет полнота совета Божьего, так что он прилепляется к какой-то одной мысли и продвигает ее, чего бы это ни стоило. Свобода грозит превратиться в лжесвободу, которая суть не что иное, как возврат к рабству.

ПОЛНАЯ КАРТИНА

Один из аспектов антиномической критики направлен, разумеется, против Десяти заповедей. Из-за страха превратиться в рабов закона и пытаться заполучить спасение делами, атакуется все, что так или иначе связано с законом. Принуждению нет места, обличение не имеет права существовать, а послушание — это нечто внутреннее, а не внешнее. Здесь имеется путаница между законом и назиданием, то есть «паренесисом» Нового Завета, и в результате человек боится этого назидания как огня, так как оно побуждает его к действию, к послушанию, из чего он делает вывод, что оно ведет его обратно под гнет закона.

Печальный пример этого представляет проповедник, который в ответ на вопрос относительно его взгляда на гомосексуализм ответил, что если у практикующего такой образ жизни есть мир в сердце, то все нормально, а если же нет, то надо исповедовать его как грех. Идея такова: критерий оценки действий перемещается внутрь человека, теряя связь с внешними законами и словами Библии. Он сознается в своей неправоте только тогда, когда о его заблуждении Дух сообщит ему лично, внутренне, — независимо от того, что говорит Писание. Такие идеи только еще больше запутывают. Из-за боязни попасть под закон обличение Нового Завета и призыв к жизни в страхе Божьем отвергаются вообще — невзирая на то что по меньшей мере треть учения Павла развивает как раз эту

тематику. Риск заключается в том, что Бог становится таким милым и добрым «папочкой», который настолько благо ко мне, что согласится со всем, что я делаю, а мне всего лишь нужно верить в Его благодать. В этом вновь наблюдается точка соприкосновения с либеральным богословием, которое исходит из совершенно иных посылок, но приходит к схожим выводам.

Конечно же, можно и дальше развивать эту тему, богатую своими нюансами. Разные проповедники делают акцент на разных явлениях, и не все приходят к одинаково экстремальным выводам. Для выявления богословских корней и их влияния потребуется не одно глубокое исследование. Важно, чтобы эти исследования давали возможность оценить общую картину. Мне она видится таковой: у нас на глазах развивается тип христианства, отмеченный печатью западной секуляризации, и харизматические круги, зачастую претендующие на соответствие библейскому учению, не являются автоматически избавленными от оной.

Если не противостоять мощному влиянию радикального индивидуализма, направлению на приватизацию и относительность нравственности и этики, а также избирательному редукционизму в вопросе основополагающих догм, то все это приведет к созданию такого типа христианства, которое будет более заинтересовано в духовном потребительстве, нежели в принятии жертвенного следования Христу. Индивидуализм вкупе с релятивизмом поставит это в центр и будет соглашаться только с тем, к чему пришел сам индивидуум. Приватизация, которая развернется в результате этого, приведет к упразднению видимого богослужебного обряда и принадлежности к поместной церкви. Взамен придут блуждания, как в физическом, так и в киберпространстве. В результате не останется ни силы, ни глубины назидającego, укрепляюще-

го и воспитывающего общения святых. Человек превратится в анонимного самоучку, который всегда знает все лучше всех, но сторонится Тела Христова. Это повлечет за собой дальнейшее раздробление Тела Христова, которое в конце концов истощит его.

Давно пора противостоять таким течениям — как на попроще богословия, так и посредством создания церквей и общин, которые смогут отчетливо продемонстрировать альтернативу. Тогда направление можно будет развернуть от разделения к единству, от своевольного и самоцентричного христианства к радикальному следованию за Христом, которое несет евангельскую силу к людям в этом мире.